

Божья

коровка

Екатерина Постникова

ФАНТАСТИКА

Парнишка в длинном, похожем на шинель, пальто маялся у телефонных автоматов, с мольбой вскидывая глаза на каждого, кто подходил позвонить:

— Пожалуйста! Ни копейки! Срочно надо! Прошу вас! Карточку!..

Чутких, однако, не находилось. Карточки нынче дороги, да и поди разберись с ходу — действительно срочно ему надо или так, поразвлечься?

Павел остановился, переложил в одну руку набитые продуктами пакеты и начал рыться в карманах, проклиная погоду и свою толстую зимнюю куртку. Неужто дома забыл? Но нет, вот она, карточка.

Набирая номер, он скосил глаза на горемыку в длинном сером пальто. Губы у пацана дрожали — вот-вот заплачет. И вся его поза, робкая и отчаянная одновременно, вызывала смутное сочувствие.

Убедившись, что дома занято, Павел вздохнул и протянул карточку:

— На, только недолго: семь единиц осталось.

Парнишка просто расцвел. Худое усталое лицо осветилось такой радостью, что Павел невольно улыбнулся. Надо же, как мало нужно для счастья!

Прикрывая микрофон ладонью и бросая по сторонам весело-настороженные взгляды, парень коротко поговорил с кем-то, повесил трубку и вернул карточку:

— Большое спасибо!

— Да не за что, — будто очнулся Павел, осознав, что, пока машинально наблюдал за этим случайным знакомцем, продолжал думать о Лутовинове.

Юрка (он же для подчиненных Юрий Сергеевич Лутовинов) работал с ним бок о бок уже пятый год, и никогда, как знал Павел, у него не было денег. Мало того что он платил алименты на двух детей от двух браков и содержал нетрудоспособную мать, Юрка к тому же регулярно становился жертвой каких-то аферистов, проигрывал в лотерею, его обворовывали в метро и даже однажды ограбили — дома, среди бела дня. В общем, явно невезучий человек: живет в крохотной «хрущобке», ходит в одних и тех же старых джинсах, экономит на сигаретах и постоянно по мелочам одалживается у сослуживцев... Оставалось лишь жалеть его, заходить по-соседски (благо жили на одной улице), опять же по мелочам одалживать деньги и давать советы.

Однако единственное, в чем Юрке несомненно повезло, так это в личной жизни. Наконец-то! Еленка, его третья по счету жена, буквально сдувала с него пылинки, никогда не пилила, к детям была внимательна и, главное, работала, как папа Карло, чтобы семья окончательно не загнулась с голоду.

И вдруг Юрка разбогател. Внезапно, то есть за один день, а точнее, чуть ли не за один час! Вот так. Еще вчера он клянчил на сигареты, а сегодня уже бегаёт в обнимку со строительным подрядчиком и ищет хороший кирпич для постройки нового дома. «Ролекс» на руке блестит. Куртка новая из светлой телячьей кожи, явно из очень дорогого магазина. Ботинки сверкают. Приехал на работу на такси, двух часов не высидел и со-

рвался, предварительно обзвонив несколько мебельных салонов. Жена Еленка за ним заехала в такой дубленке, что все бабы в конторе зеленою покрылись. И ни гугу, откуда все это.

Павел, конечно, вопросов не задавал. Трепались о погоде, рассказывали анекдоты, курили вместе, как прежде, и... и все. Но что-то стало явно не так: прежний, привычный Юрка Лутовинов будто перевоплотился в совершенно другого человека. Прошло немного времени, и Павел подумал с грустью, что в скором времени он непременно уволится. Зачем ему теперь эта работа и эта зарплата? Смешно.

Итак, парнишка отдал ему карточку, сказал «Большое спасибо!» — и глянул как-то выжидающе. — Да не за что, — кивнул Павел, вставил карточку в прорезь автомата и снова набрал свой домашний номер. Занято. Ну ясно: вечно она с кем-то треплется, хоть от телефона отказывайся!

Явно успокоившись, парень терпеливо дождался, когда он оставит свои безуспешные попытки дозвониться домой.

— Извините. Я бы хотел отблагодарить вас. Если можно.

— Нельзя! — тут же отреагировал Павел и вновь нагрузил руки тяжелыми пакетами. — Я тебе просто так карточку дал, и не надо мне твоих благодарностей.

— Как не надо? Надо! — убежденно проговорил тот. — Меня, кстати, зовут Альген. Немного странное имя, правда?

— Имя как имя. — И пошел прочь.

Однако обладатель странного имени и не думал отставать.

— Подождите, — заговорил, шагая рядом, — ну почему вы отказываетесь? Вы даже не знаете, что я хочу предложить! Это очень интересно.

Павел притормозил, устало улыбнулся:

— Сынок! Я ж говорю: мне ничего не надо. Что ты хочешь? У меня времени нет, извини. У меня дочь завтра замуж выходит, вон, продукты закупаю, потому что жене нельзя тяжелое поднимать. Ну, не до тебя мне.

Этот парень, назвавшийся Альгеном, кивнул:

— А, понимаю. Конечно. Я просто не вовремя... А знаете что? Я дам вам свою визитку.

— Зачем?

— Вы сможете мне позвонить.

— На черта мне тебе звонить?

— Одно желание. Ваше одно желание. И нет проблем! Вы пока подумайте. Сегодня пятница, да? Вот — до двадцати вечера воскресенья. Дальше нельзя. И рад бы, да никак.

Павел остановился — и рассмеялся:

— Ты что, золотая рыбка? А если я пожелаю миллион долларов?

— Да хоть два миллиона! — Альген сказал это спокойно, при том пожав плечами — дескать, ну что тут такого! — Любую сумму в любой момент в любой валюте. До конца жизни. Скажите — я сделаю.

Да, такой разговор может позабавить даже усталого городского мужика, возвращающегося домой с тяжеленными пакетами в руках. И потому Павел даже улыбался. Ведь нечасто можно встретить на улице такого смешного психа.

— Все, что угодно? — уточнил, с трудом подавляя усмешку.

Парень ничуть не смутился:

— Естественно. Но только одно желание. Именно одно ваше желание! Ну есть же у вас же какая-нибудь заветная мечта?.. Вот моя визитка.

На белом картонном прямоугольнике было написано: «(077)1111111111-555-22. Альген». И все.

— Что это за номер? — Павел удивленно воззрился на парня, но тот уже уходил, его сутуловатая спина мелькала где-то впереди в вечерней городской толпе...

Жена, в фартуке поверх тренировочного костюма, ли- стала на кухне кулинарную книгу. Дома царил грандиозный беспорядок. Где-то в недрах квартиры возилась дочь, гремя дверцами шкафов и напевая песенку. Орал телевизор. Пахло какими-то специями, тушенкой и освежителем воздуха, будто где-то раздавили гнилой апельсин.

Его приходу, когда он вошел и в изнеможении опустил сумки на пол прихожей, никто не обрадовался, лишь жена оторвалась от книги и спросила, купил ли он майонез. Дочь вообще не высунулась.

Павлу хотелось есть. Принять ванну. Полежать — и чтоб никто не трогал. А вовсе не чистить картошку и вытирать пыль ради завтрашних гостей.

— Паш, надо бы еще шампанского взять, — деловито сказала жена. — Гостей будет двадцать человек, а у нас... И хлеба, черного и белого. И маринованных огурцов.

— Денег уже нет. — Павел разулся, повесил куртку и понес сумки на кухню. — Я и так все ухлопал.

— А занять? — Жена с надеждой поглядела на него.

— У кого?! — Он разгружал покупки, и тут его осенило: ну конечно, у Юрки!

— Разве только у Лутовинова, — предположил осторожно.

— Да откуда у него деньги? — удивилась жена.

Тут в кухню вошла дочь, уже заметно беременная, в растянутом джемпере, коротко поздоровалась с отцом и схватила из вазочки горсть печенья.

— Юль, ты ж скоро в дверь не пройдешь! — с жалостью сказал Павел. — Как ты потом худеть будешь?

— Во-первых, меня Миша и такую любит, — гордо отозвалась дочь, — а во-вторых, это печенье диетическое, в нем калорий нет.

«И такую любит, — мысленно повторил Павел, заталкивая в морозилку купленных кур. И усмехнулся про себя: — Когда-то я тоже любил твою мамашу «и такую». Во всяком случае, думал, что люблю. И куда все это подевалось?.. Бедный Мишка! Парню двадцать два года, а уже, считай, отец семейства. В аспирантуру теперь не пойдет. Подрабатывать станет. Как и я в свое время. Все по кругу, эх!..»

Идти к Лутовинову не хотелось (ну, неудобно!), но изобретать какие-то другие способы добычи денег не было ни сил, ни желания. Будь что будет.

На улице быстро темнело, сыпал снег. Павел вошел в знакомый подъезд, позвонил, и тут же в глубине квартиры слышал быстрый топоток. Вот и Еленка — открыла, сияя:

— Здравствуйте, Павел!

Он еще не успел толком поздороваться, как уже оказался втянут за руку в крошечную прихожую, увешанную псевдоафриканскими масками, а дальше освобожден от куртки и шарфа.

— Не разувайтесь, прямо так! А Юрик сейчас придет. Он ненадолго, к маме. Она в клинике лежит, доктор обещал ее через месяц на ноги поставит!

В комнате, заметил Павел, появились обновки — ковер и пылесос.

— Пока наш дом строится, мы решили на время тут остаться, — объясняла Еленка, расставляя на круглом столике чайные чашки. — Зачем лишний раз переезжать, правда? А Юра, кстати, уходит с работы собрался, он вам не говорил? Отдохнуть ему надо. А как у вас дела?

Павел сидел за чайным столиком и улыбался этой прелестной девушке, расслабленно думая о том, до чего же она славная и какие у нее красивые глаза, волосы и руки. Ему нравились молодые женщины, особенно вот такие — простенькие, живые и общительные.

— Дочь замуж выходит. Завтра, — добавил. — А вообще все по-старому.

— Дочь? Замуж? — удивилась Еленка. — Сколько же вам лет, если у вас дочь такая большая?

— Пятьдесят три, — вздохнул Павел. — Сыну моему двадцать девять, а дочери двадцать пять.

— Вы хорошо сохранились, — заметила Еленка. — Я думала, вам меньше.

— Ну, спасибо! — И Павлу стало даже весело...

Юрка появился минут через двадцать, довольный и немного пьяный. Он бурно обрадовался гостю и даже полез обниматься, чего никогда раньше не делал. Расцеловал Еленку. Достал из сумки шампанское и шикарную коробку шоколадных конфет. Уселся. Его лицо раскраснелось от мороза, глаза весело блестели, однако Павел уловил какое-то смутное, исходящее от него беспокойство, какое-то нездоровое возбуждение, и было ли это вызвано алкоголем или неожиданно свалившимися деньгами, он не понял.

Немного посидели просто так, болтая за жизнь. Еленка принесла пиццу размером с хорошим поднос, миску крабового салата, фрукты и пирожные в большой розовой коробке. Юрка жадно ел все это, почти не разбирая.

Через полчаса вышли покурить на замусоренную лестничную площадку, и там, смущаясь, Павел высказал свою просьбу, готовый в любую секунду отступить и обратить все в шутку.

Юрка улыбнулся:

— Конечно, Паш, о чем ты! — И буднично залез в карман брюк, будто собираясь достать зажигалку. Но то, что он вынул оттуда, повергло Павла в шок: это были, да, деньги, но новенькие, словно только что отпечатанные: большая пачка в банковской упаковке. Именно большая — а ведь еще за секунду до этого карман ничуть не оттопыривался: Павел заметил бы.

— Держи. — Юрка вложил толстую пачку ему в руку и почему-то покраснел.

— Да-а!.. — ошарашенно пробормотал Павел. — Теперь ты у нас совсем счастливый.

— Знаешь, да! — тихо, но горячо заговорил Юрка. — Теперь — да. Сам не понимаю. Мне как раз денег и не хватало для полного счастья. Честно говорю. Мне почти сорок пять. Всю жизнь вкалывал. Сначала одну семью содержал, квартиру кооперативную им сделал, машину купил, гараж. Потом вторая семья. Ну, понимаешь: ребенка — в спецшколах, в бассейн, жене — шубу. Опять машина, опять мебель. Никогда для себя не жил. Бегал, бегал — как пацан, ей-Богу. Но вот, Еленку нашел — птичку мою. Нашел, а даже колготки приличные не мог ей купить. Ты понимаешь!.. Рехнусь, думал. И вот... привалило. Вот это!.. Я всю ночь не спал — все сидел рядом с Еленкой и думал о том, что теперь мне больше ни черта не надо. Хоть в Африку с ней съездим, например, — ведь столько мечтали! Фильм снимем про слонов... Ты думаешь, я богатым быть хочу? Унитаз золотой себе поставить? Нет! Просто копейки надоело считать.

Павел вздохнул, спрятал в карман куртки Юркины деньги и вдруг — даже сам не ожидал — стал рассказывать о своем сегодняшнем странном знакомом, об Альгене, и даже вытащил из кармана его визитку с невероятно длинным телефонным номером.

Юрка побледнел. Это произошло так внезапно, что Павел за него испугался: не сердце ли?

— И что? Ты будешь звонить? — Голос у Лутовинова странно изменился, стал неестественно высоким и хриплым.

Павел искренне отмахнулся:

— Да ну брось! Просто забавный сумасшедший. Ты-то как, в норме?

— В норме, — ответил Юрка, вытирая вспотевшие руки о рубашку. Потом спросил: — У него еще спина такая... сутулая, почти с горбом? Да?

— Ну вроде того.

— Ясно.

— Что ясно? — не понял Павел и вдруг осекся. Альген, непонятный, странный Альген у телефонных автоматов, кланчивший у прохожих карточку...

— Да, все он может, а карточку купить не может, — услышал Юркино бормотание. — У него там, под пальто, может, крылья, как думаешь? Уж больно горб странный... Ладно, ладно... Я сначала тоже подумал, что он шизик. А потом, дома, написал и позвонил. Прикола ради. Это было с месяц назад.

— И?

— И! — усмехнулся Юрка. — И — вот. — Помолчал и тихо повторил то, что Павел сегодня уже слышал, там, у телефонных автоматов: — Только одно желание, и нет проблем.

— Значит? — еле выговорил Павел.

— Значит, — вздохнув, подтвердил Юрка. — Как и было обещано: нет проблем.

— А Еленка знает?

— Конечно, а как же!

— А! — теперь вздохнул Павел. — Своей бы я не рассказал... Помолчали. Потом Павел сказал:

— Мне пора, Юра. Отдам, когда смогу. Постараюсь побыстрее.

— А! — отмахнулся Лутовинов. — С ума не сходи. Я за них не вкалывал. Теперь это для меня не важно.

— Я все равно отдам.

— Как знаешь.

На том и расстались.

Он шел домой. Мысли путались. Значит, все правда. Юрка это доказал. Любая сумма в любой момент в любой валюте — кажется, ясно. Но разве такое может быть?..

У сияющих, словно вход в рай, дверей ресторана «Золотой лотос» толпились иномарки. Сколько их развелось в Москве в последние годы! Еще вчера все были равны (некоторые, правда, равнее), и вдруг повырастали, как грибы, фирмы и фирмочки, откуда-то взялись их стремительно богатеющие хозяева на «мерседесах» и других иномарках, замелькали непонятные слова. И кругом — деньги, деньги. Неужели все эти люди в один прекрасный день выручили у телефона-автомата сиротливого паренька со странным именем?

Павел закурил и глянул на свои окна. Захотелось пива. И пока не подниматься туда, в квартиру, кипящую приготовлениями к свадьбе. Там не до него. Ах да, шампанского еще надо купить и хлеба — черного и белого...

Внезапно вспомнилось: далекое детство, ромашковый луг, божья коровка, ползущая по руке, песенка-считалочка: «Божья коровка, улети на небо, принеси мне хлеба, черного и белого, только не горелого». Да, вот такое простое желание — хлеба! Простое как детство. Да, всего лишь хлеба, а не денег...

Ну ладно, а что теперь делать-то? Рассказать обо всем жене? Нет, нельзя. Позвонить прямо сейчас этому Альгену? Надо подумать. Хотя что тут думать! Одно-единственное желание? Естественно, деньги. Их всегда не хватает, всегда они нужны до зарезу!

Так, но... Деньги хороши для таких, как Юрка. Он ведь счастлив. Еленка — молодая, красивая, любит его, воркует нежно, по щеке гладит. Им вдвоем интересно и легко. А теперь, с деньгами, и вообще нет проблем. «А я? — И Павел невесело усмехнулся. — Мне-то они что дадут? Радость? Полноту жиз-

ФАНТАСТИКА

ни? Ну, на месяц, два, три — вполне возможно. А потом я сойду с ума».

Хмурясь, он зашел в супермаркет и остановился у богатого прилавка винного отдела. Хорошенькая продавщица улыбнулась и спросила: «Что желаете?» Да, вот если бы влюбиться до чертиков, подумал Павел, глядя на нее, влюбиться, чтобы душа пела, чтобы просыпаться с улыбкой, чтобы свою любимую на руках носить!.. Но тогда не нужен никакой Альген. Душу надо иметь, здоровую, живую, молодую. И все получится без волшебства.

Ведь была же когда-то любовь, была когда-то девочка, и все получалось светло. Где она сейчас? Увели. А кто в этом виноват? Ясно, что вовсе не соперник. Ведь она сама предупредила: меня уведут, Пашка, смотри. А он все ждал чего-то, цеплялся за миражи. И ее действительно увели. Семь лет прошло, она счастлива и любима, все у нее хорошо.

Может, пожелать, чтобы она вернулась? И на миг просветлел: конечно! Вот что надо попросить! Она вернется, и все будет прекрасно. Да, но... Она же любит этого... своего мужа, по любви к нему и ушла, мужчину в нем увидела, а не тряпку. Идеал свой. Поэтому будь хоть сейчас мужиком, Павел, если тогда не смог, не трогай ее, насильно мил не будешь...

Он вздохнул, укладывая холодные бутылки в сумку, и пошел к выходу из супермаркета. Метель усилилась, задул ледяной ветер. Многоэтажный дом мерцал огоньками, как новогодняя елка. Оставалось купить хлеба, и все — домой.

Может, счастья для детей пожелать, думал он, направляясь к своему подъезду? Пусть хоть у них все будет хорошо. Пусть дочь не превратится в такую же, как ее мать, а сын перестанет пить. Пусть живут долго.

Да, но... сколько же можно жить ради детей? Взрослые лбы, дочь вон с животом ходит, у сына двое гавриков, лысеть уже начал... Нет, просить надо для себя. Только для себя. Иначе, что же, так и помереть без подарка в жизни?..

Жена резала картошку для салата «оливье», глядя одним глазом в телевизор. Дочь снова жевала, накручивая волосы на бигуди. Воняло жареным луком.

Павел затолкал бутылки в холодильник и со вздохом облачился в фартук. Завтра тут соберутся гости, аж двадцать человек, гудеть будут до ночи, а месяца через четыре родится внук, и с ним надо будет гулять. Круглые сутки слушать его вопли, потому что молодые планируют жить здесь. Снова, как в молодости, ходить, задевая головой развешанные пеленки. Снова плохо спать.

Может быть, попросить квартиру?

— Давай, чисти яйца, — буркнула жена, пододвигая к нему миску.

Павел уселся за стол и вдруг подумал: а что, если пожелать, чтобы эта проклятая баба, эта смертельно надоевшая дура, у которой души не больше, чем у тряпичной куклы для заварочного чайника, чтобы она прямо сейчас, сию же минуту, наконец исчезла куда-нибудь и больше никогда не появлялась в его жизни?

Он даже заулыбался от этой мысли. Взять и позвонить Альгену. Вот прямо сейчас. Она даже не успеет понять, в чем дело: исчезнет, и все.

ФАНТАСТИКА

Да, но... неужели для такой простой вещи, как избавление от постаревшей жены-дуры, обязательно нужен волшебник?

Нет, несерьезно. Потому что при чем тут Альген? Ведь нет ничего проще: развестись, разменять квартиру, заработать деньги, а там, глядишь, еще и появится кто-то, с кем не в тягость будет просыпаться.

А если снова стать молодым?

А может быть, все-таки деньги? С ними жить гораздо легче...

На следующий день была свадьба, и он хорошо надрался на пару с женихом, тщедушным мальчишкой в круглых очечках, которого ему было жалко куда больше, чем собственного сына. В самый разгар веселья они остались одни на кухне и закурили, тупо глядя друг на друга.

— Слушай, — начал Павел, стараясь говорить внятно, — а если бы тебе предложили... ну, сказали, что сбудется твое самое заветное желание, что бы ты пожелал?

— Я? — Мишка покрутил головой. — Денег. Много.

— А зачем тебе деньги?

— Чтобы не работать. Я учиться хочу. А потом построил бы себе лабораторию, специалистов нанял.

— А еще чего ты хочешь?

— Любви, — неожиданно сказал Мишка.

Павел ни о чем больше не спросил. Да, старо, старо, как мир, все понятно...

На следующий день нудно болела голова, ничего не хотелось. Только одно терзало: звонить или не звонить?

Он остался один: жена ушла к кому-то в гости, а дочь с мужем отправились в магазин. Павел придвинул к себе телефон, подумал и набрал номер.

— Ниночка, это я, Павел.

— О! А это я! — Женский голос, немного сонный, воркующий, прятал сладкий зевок. — Здравствуй, Паш. Как твое ничего? Не болеешь?

— Спасибо, пока нет. — Он просто слушал ее голос, закрыв глаза и представляя себе ее лицо, блестящие светлые волосы, нежные руки, улыбку.

— А у меня грипп, — поделилась она по-свойски. — Ужас, вторую неделю валяюсь.

— Да ты что!

— Ну, не страшно — поправлюсь. Лучше уже... А ты что — чего-то хотел?

— Не поверишь: просто поговорить. Спросить тебя. Можно?

— Спрашивай, конечно.

— Нина, а что бы ты попросила, если бы тебе предложили исполнить одно, только одно желание?

— Вечную молодость, — без колебаний ответила она. — Для себя и Виктора.

— Я серьезно.

— И я серьезно! У него вчера седой волос появился. И у меня, должно быть, скоро появится. Не хочу. Пусть мы всегда будем молодыми. А остального сами добьемся. Вот так... А ты бы что попросил?

— Чтобы ты вернулась, — усмехнулся Павел.

— Поезд ушел, — вздохнула Нина, но явно без печали.

— Ладно, Нин, спасибо. Можно тебе еще позвонить?

— Да ради Бога.

— Я надеюсь, не помешал своим звонком?

— Конечно, нет. Звони еще, если захочешь. Ну, счастья тебе!

Счастья? — подумал он, повесив трубку. А ведь верно! Просто счастья!..

К вечеру вернулась жена и тут же уселась перед телевизором смотреть фильм. Павел достал из холодильника остатки свадебного торта и налил себе чаю. Но вскоре не выдержал. Слишком давило. Встал и вышел в прихожую, к телефону. Достал из кармана визитку со странным номером. Набрал его.

— Алло! — донесся из каких-то звонких глубин молодой радостный голос.

— Это Альген?

— Да. А вы тот человек, у которого дочь вчера вышла замуж? Я вас узнал. Ну как, вы определились?

— Нет... Понимаешь, нет!

— Это бывает, — согласился Альген и умолк, ожидая.

— И что мне делать? — сокрушенно заговорил Павел. — Понимаешь, я уже всю свою жизнь передумал. И если бы я точно знал, чего хочу, то добился бы этого без твоей помощи. Да вот не знаю — чего хочу не знаю.

— И хотите узнать?

— Да! — почти выкрикнул Павел.

— Если я правильно понял, — тут же подхватил Альген, — вы хотите, чтобы сбылось ваше самое заветное желание, но не можете его сформулировать?

— Да. Верно.

— Что ж, ладно. Но не будете жалеть? Тогда все. Я понял.

Короткие гудки. Павел удивленно поморщился и снова набрал номер, но механический голос сообщил, что такой телефон не существует.

Павел прошелся по квартире. Потом прилег. Дрожали руки. Вслушиваясь в себя, он пытался понять, какое все-таки желание живет в самой глубине его души. Нет, ничего не получилось... А если, испугался, он хочет кому-то смерти?

Заметался в невольном ужасе, вскочил, сглатывая комок в горле. Побежал в ванную. Судорожно открыл кран, заранее морщась от мысли, что сейчас кран пронзительно завизжит: этот дефект уже давно так и не мог устранить ни один водопроводчик.

Вода полилась без звука.

Павел снова и снова крутил кран, закрывал и открывал его, пускал то холодную, то горячую воду, но визга не было.

В это невозможно было поверить. Смешно и горько. После такой вот жизни, после стольких похороненных надежд и стольких разочарований сбылась наконец заветная мечта. Которая свелась к тому, чтобы перестал визжать какой-то паршивый кран в ванной!..

Дочь нашла его поздним вечером. Он сидел там же, на кафельном полу, подтянув к груди колени, и тупо смотрел на кран, из которого извергалась мощная струя воды. Сидел и плакал.

Он был счастлив.